# ВОЛЫНСКІЯ
## ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

11 Сентября № 26 1886 года.

## ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

### ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗЪ СОДЕРЖАНІЯ ПОСЛАНІЯ КЪ ФИЛИППІЙЦАМЪ ВЪ СВЯЗИ СЪ ОПРОВЕРЖЕНІЕМЪ ВОЗРАЖЕНІЙ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ КРИТИКИ ПРОТИВЪ ПОДЛИННОСТИ ПОСЛАНІЯ.

Всякому читателю посланія къ Филиппійцамъ,—болѣе или менѣе знакомому съ духомъ и изложеніемъ писаній св. Ап. Павла вообще,—трудно не замѣтить въ данномъ посланіи рѣшительнаго отпечатка духа апостола языковъ—какъ въ характерѣ содержанія посланія, такъ равно и во всей рѣчи и образѣ представленій его составителя. Въ самомъ дѣлѣ, обращая вниманіе на содержаніе посланія къ Филиппійцамъ, сравнительно съ содержаніемъ другихъ посланій апостола языковъ, мы встрѣчаемъ здѣсь тѣ-же боговдохновенныя мысли о правдѣ благодатной по вѣрѣ во Христа (особенно въ III гл. посланія),—противоположной мнимой праведности іудейской,—какія излагаются и въ другихъ его посланіяхъ, особенно въ посланіяхъ: къ Римлянамъ, Галатамъ и Колоссянамъ.

Это обстоятельство несомнѣнно открываетъ въ писателѣ разсматриваемаго нами посланія того самаго, Богомъ избраннаго, служителя Слова, который, по свидѣтельству книги Дѣяній Апостольскихъ (XV, 1—2), какъ въ Антіохіи съ силою возсталъ противъ учившихъ, что нельзя спастись безъ обрѣзанія, такъ равно, и при томъ совершенно открыто, училъ той-же благодатной свободѣ отъ ига законнаго и въ дальнѣйшемъ прохожденіи своего апостольскаго служенія (Дѣян. XXI, 21). Равнымъ образомъ и въ изложеніи нашего посланія замѣчается съ одной стороны: та-же сильная, свободно текущая и вмѣстѣ возвышенная и многознаменательная рѣчь, что и въ другихъ посланіяхъ св. Апостола Павла; съ другой: тоже мудрое приспособленіе къ образу мыслей поучаемыхъ христіанъ, какое весьма ярко выступаетъ въ рѣчахъ Павла къ іудеямъ и язычникамъ, изложенныхъ въ Дѣяніяхъ; та-же, наконецъ, сообщающая посланію особый тонъ и силу убѣжденія, готовность предать поучаемымъ, вмѣстѣ съ благовѣстіемъ, и душу свою, какая опять выражается въ упомянутыхъ рѣчахъ Ап. Павла (напр. въ Дѣян. XX, 24, 31, 34; XXVI, 29 и др.). Въ самомъ дѣлѣ—содержащееся въ нашемъ посланіи ученіе апостола несомнѣнно излагается въ формѣ и съ духомъ отечески искренней бесѣды, такъ что всякому, внимательно читающему это посланіе, можно видѣть, или лучше—чувствовать, что боговдохновенная душа писавшаго, съ самыми разнообразными своими движеніями и мыслями, какъ бы сама изливается въ рѣчи: такъ вообще естественна и искренна рѣчь апостола языковъ! Поучая и наставляя Филиппійцевъ, священный писатель повсюду обнаруживаетъ, по отношенію къ нимъ, такъ-же какъ и въ другихъ своихъ посланіяхъ къ различнымъ церквамъ, —свою апостольскую попечительность, входитъ въ разнообразныя ихъ затрудненія и духовныя нужды, слѣдитъ за различными частными обстоятельствами въ ихъ христіанскомъ обществѣ и т. п. Словомъ—священный писатель, съ необычайною силою и многостороннимъ образомъ дѣйствуетъ и распоряжается сообразно духовнымъ нуждамъ первыхъ христіанъ и—апостольскому служенію съ своей стороны. Такое отношеніе между нимъ и вѣрую-

щими, которымъ онъ пишетъ посланіе, уже само въ себѣ носитъ ясные признаки живой дѣйствительности и представляетъ несомнѣнное свидѣтельство подлиннаго происхожденія посланія къ Филиппійцамъ отъ Апостола Павла, а не отъ другаго какого-либо лица.

Но эти признаки и свидѣтельства еще яснѣе выступаютъ для насъ, когда мы возьмемъ наше посланіе въ его цѣломъ и при томъ наряду съ другими посланіями Павла, по содержащемуся въ нихъ ученію и изложенію, такъ какъ въ этомъ случаѣ всѣ Павловы произведенія, по взаимному согласію ихъ между собою, составятъ въ своей совокупности одно неразрывное цѣлое,—такъ сказать,—полную систему Павловыхъ воззрѣній, въ которой, слѣдовательно, наше посланіе является уже необходимою, неотъемлемою частію великаго цѣлаго. Во всѣхъ посланіяхъ Ап. Павла раскрывается тайна спасенія, во Христѣ, іудеевъ и язычниковъ, по вѣрѣ въ Него,—тайна отчасти предъявленная въ пророчествахъ и прообразахъ Ветхаго Завѣта и теперь только, съ пришествіемъ Спасителя, осуществившаяся и открывшаяся для міра, особенно языческаго, какъ величайшая новость не только для земли, но и для самаго неба (Ефес. III гл.). Признаки и, такъ сказать, самыя дѣйствія только что образующейся организаціи церкви изъ этихъ двухъ составныхъ элементовъ вѣрующихъ—іудеевъ и язычниковъ, являются въ посланіяхъ Павловыхъ, какъ говорится, на лицо,—въ наглядной дѣйствительности. Немного позже апостольскаго времени, даже еще при мужахъ апостольскихъ, совсѣмъ не имѣла бы мѣста такая горячая борьба противъ іудействующихъ лжеучителей, какая видна въ посланіяхъ Ап. Павла, или, въ частности, та нѣкоторая еще неустойчивость и смѣшанность въ названіяхъ епископа и пресвитера (при ясномъ уже различіи этихъ степеней священства), какая по преимуществу замѣтна въ пастырскихъ посланіяхъ и частію въ нашемъ. Ходъ мыслей, при всей своей свободѣ и безъискуственности въ Павловыхъ посланіяхъ, обыкновенно твердо—діалектическій и строго послѣдовательный; рѣчь особенно живая и убѣдительная, проникнутая всегда духомъ пламенной любви священнаго писателя къ своимъ духовнымъ

чадамъ. Выше всякаго сомнѣнія, разумѣется, что все это въ каждомъ отдѣльномъ посланіи находится приспособительно къ частнымъ отношеніямъ писателя къ тѣмъ, кому онъ пишетъ, къ извѣстнымъ обстоятельствамъ и намѣреніямъ составленія того или другаго посланія и т. п. Но если, такимъ образомъ, и при разнообразныхъ обстоятельствахъ написанія посланій, положившихъ на каждое изъ нихъ особый отпечатокъ, въ совокупности ихъ все-таки видѣнъ одинъ общій характеръ по содержанію и изложенію, то неподдѣльность и боговдохновенность посланій, очевидная уже изъ указаннаго въ краткихъ чертахъ содержанія и духа ихъ, становятся для насъ тѣмъ яснѣе и неопровержимѣе. Сверхъ того, въ силу несомнѣннаго и явно безъискуственнаго согласія посланій между собою,—каждое изъ нихъ, а слѣдовательно и наше, можетъ имѣть порукою своего происхожденія отъ Апостола Павла всѣ прочія посланія этого послѣдняго: такъ обща всѣмъ имъ и ясна для непредубѣжденнаго читателя и изслѣдователя основа одного и того-же воззрѣнія, духа и рѣчи. Такимъ образомъ съ внутренней стороны, т. е. со стороны указаннаго нами общаго характера Павлова ученія, ясно обнаруживающагося въ посланіи къ Филиппійцамъ это послѣднее, въ смыслѣ подлиннаго произведенія апостола языковъ, засвидѣтельствовано вполнѣ твердо и основательно.

Не смотря однакожъ на столь прочное положеніе вопроса о подлинности посланія Ап. Павла къ Филиппійцамъ съ внутренней стороны, критики отрицательнаго направленія и главнымъ образомъ Бауръ съ его школой, свои нападки на всѣ почти Новозавѣтныя писанія распространили и на это посланіе. Такъ, по мнѣнію Баура, не только частныя особенности, но уже и общее впечатлѣніе нашего посланія представляется не—Павловскимъ. Въ подлинно Павловскихъ посланіяхъ, какъ полагаетъ Бауръ, на ряду съ духовнымъ характеромъ во всякаго рода отношеніяхъ, въ мотивѣ составленія и во всемъ, что представляла собою дѣйствительность, всегда должно ожидать чего-нибудь новаго, что̀ въ другомъ мѣстѣ неизвѣстно; между тѣмъ въ посланіи къ Филиппійцамъ замѣчается лишь бѣдность мыслей его автора, монотонныя

повторенія, отсутствіе глубокой связи. Въ немъ нѣтъ, далѣе, ничего специфическаго и конкретнаго, ничего такого, что производило бы впечатлѣніе оригинальности,—словомъ оно представляетъ изъ себя одинъ лишь скудный и безцвѣтный рефлексъ. Что касается, затѣмъ, собственно недостатка въ связи, то при общемъ обзорѣ содержанія, конечно, можно замѣтить извѣстнаго рода послѣдовательность частей, чтобы по крайней мѣрѣ хотя этимъ путемъ указать читателю переходъ отъ одного предмета къ другому; но во всякомъ случаѣ подобную связь никакъ нельзя назвать подлинно—Павловскою, такъ какъ при ней все посланіе къ Филиппійцамъ является для читателя ни болѣе ни менѣе, какъ только тканью изъ двухъ главныхъ состояній—обстоятельствъ Павла и обстоятельствъ Филиппійцевъ, каковыя къ тому же такъ переплетены между собою, что поочередно смѣняются одно другимъ. Кромѣ всего этого въ нашемъ посланіи, по Бауру, несомнѣнно нѣтъ идеи, связывающей цѣлое: при множествѣ отдѣльныхъ положеній, самые большие отдѣлы соединяются въ немъ чисто внѣшнимъ образомъ—словомъ «χαίρετε», которымъ обыкновенно заключается извѣстный отдѣлъ и начинается слѣдующій за нимъ. Если же ссылаются при этомъ на то обстоятельство, что посланіе къ Филиппійцамъ болѣе, чѣмъ всякое другое, имѣетъ собственно характеръ письма, то вѣдь и второе посланіе къ Коринѳянамъ такое-же письмо, между тѣмъ тамъ все содержаніе расположено совершенно иначе, чѣмъ здѣсь?

Обращаясь затѣмъ къ болѣе частнымъ особенностямъ посланія, Бауръ находитъ въ немъ, въ связи съ указанными недостатками, недостатокъ мотивированнаго повода къ составленію посланія,—опредѣленно высказанной цѣли и логическаго хода мыслей. Полемика производитъ впечатлѣніе, какъ будто-бы она находится здѣсь потому лишь, что она относится къ постоянному характеру Павловыхъ посланій. Нѣтъ, далѣе, свойственной Павлу свѣжести и естественности въ мысляхъ, нѣтъ объективности данныхъ условій. Таково именно мѣсто посланія III гл. 18 ст. Сильныя выраженія должны вознаграждать недостатокъ красокъ. Неучтиво выраженіе «κύνες» III гл. 2 ст.

Вынужденно и слабо противоположеніе κατατομή и περιτομή (III гл.), сдѣланное только для того, чтобы дать апостолу поводъ сказать о себѣ. При томъ-же III, 2 и д. очевидная, будто-бы, копія 2 Коринѳ. XI, 18. Въ передачѣ свѣдѣній о своей жизни апостолъ ограничивается лишь самыми общими мѣстами. Выраженіе «δικαιοσύνη ἐν νόμῳ» — не Павловское. Въ цѣломъ посланіе это — блѣдно и безъинтересно. Но особенное подозрѣніе возбуждаетъ положительная невозможность для читателя уяснить себѣ, что̀ собственно побудило апостола писать къ Филиппійцамъ? Правда IV, 10 и сл. ст. упоминаютъ, въ смыслѣ повода, о подаркѣ, который эти послѣдніе (т. е. Филиппійцы) прислали апостолу въ Римъ. Но при этомъ мѣсто IV, 15, въ которомъ апостолъ упоминаетъ о полученномъ имъ вспомоществованіи, запутывается въ противорѣчіи съ объясненіемъ 1 Коринѳ. IX, 15: «ἐγὼ οὐδενὶ ἐχρησάμην τούτων» именно потому, что Господь повелѣлъ «ἐκ τοῦ εὐαγγελίου ζῆν» (ст. 14). Правда, строгая истина этихъ послѣднихъ словъ ограничивается нѣсколько дозволеніемъ апостола во 2 Коринѳ. XI, 9, въ силу котораго, во время его пребыванія въ Коринѳѣ, братья изъ Македоніи помогали ему въ нуждѣ. Но сами Филиппійцы въ IV, 15 смотрятъ на это какъ на дѣло лишь первоначальнаго распоряженія апостола, какъ будто-бы онъ представлялъ имъ нѣчто въ родѣ счета издержекъ и расходовъ. Отсюда должно явиться подозрѣніе, что составитель посланія къ Филиппійцамъ имѣлъ предъ глазами мѣсто 2 Коринѳ. XI, 9 и слишкомъ много имъ воспользовался. Даже перечисленіе прежде полученныхъ вспоможеній (Филип. IV, 15—16) обнаруживаетъ псевдо-апостола. Самъ апостолъ Павелъ яснѣе обозначилъ-бы упомянутое въ 15 стихѣ (IV гл.) вспомоществованіе, подъ которымъ, по 2 Коринѳ. XI, 9, нужно разумѣть вспомоществованіе, присланное ему въ Коринѳъ; равнымъ образомъ и въ стихѣ 16-мъ онъ не упомянулъ-бы о раннѣйшихъ по времени вспомоществованіяхъ. Наконецъ указанное въ ст. 16 болѣе продолжительное пребываніе апостола въ Ѳессалоникахъ грѣшитъ противъ книги Дѣяній, которая, кажется, ничего не знаетъ о подобномъ пребываніи. Впрочемъ уже и одно то, что сказано въ посланіи къ Филип. IV, 10 и д.

вполнѣ можетъ подтвердить неподлинность или подложность этого посланія. Таковы въ общемъ аргументы Баура [1]) противъ подлинности нашего посланія, выводимые имъ изъ общаго характера и частныхъ особенностей содержанія послѣдняго.

Что касается Бауровскаго мнѣнія о характерѣ посланія къ Филиппійцамъ вообще, то уже при первомъ взглядѣ на дѣло нельзя не замѣтить, что свои отрицательныя сужденія о характерѣ нашего посланія,—по которымъ оно страдаетъ монотонностію, бѣдностію мыслей и отсутствіемъ глубокой внутренней связи—Бауръ набросалъ безъ всякаго основанія. Въ самомъ дѣлѣ достаточно только заглянуть въ содержаніе посланія, чтобы составить себѣ совершенно противоположное Бауровскому мнѣніе объ общемъ его характерѣ. Въ нашемъ посланіи прежде всего поражаетъ читателя тотъ основной тонъ, которымъ оно отличается отъ другихъ Павловыхъ посланій и въ которомъ при томъ-же находятъ для себя объясненіе всѣ недоумѣнія Баура. Общество въ Филиппахъ, по отзывамъ составителя посланія, отличалось особенною чистотою христіанской жизни. Апостолъ говоритъ о немъ много хорошаго и хвалитъ его болѣе, чѣмъ какое-либо другое общество (Филип. 1, 3—8; IV, 1). Съ своей стороны это послѣднее питало сильную любовь и сердечное расположеніе къ своему учителю, чтó и подтверждало денежными вспомоществованіями ему (Филип. IV, 10—18; 2 Коринѳ. XI, 8, 9). Изъ этого отличительнаго свойства общества въ Филиппахъ, а также и повода посланія (подробно о немъ мы скажемъ впослѣдствіи) вполнѣ ясно, что это послѣднее основано, такъ сказать, на почвѣ истинно-дружественныхъ, сердечныхъ отношеній, существовавшихъ между авторомъ и читателями. Неудивительно, поэтому, что наше посланіе состоитъ главнымъ образомъ

---

1) Аргументы эти приведены нами въ настоящемъ случаѣ „in extenso" по сочиненію Визингера—Die Briefe des Apostels Paulus an die Philipper, an Titus, Timotheus und Philemon" 1850 г. стр. 17—19. При дальнѣйшемъ опроверженіи этихъ возраженій мы будемъ, по мѣрѣ надобности, дополнять и разъяснять ихъ, а иногда даже приводить собственныя слова Баура по поводу того или другаго его возраженія.

изъ нѣжныхъ излiянiй глубоко любящаго сердца автора и носитъ на себѣ чисто семейный характеръ. Это сообщаетъ посланiю особый тонъ, который и подтверждается въ его содержанiи всюду, гдѣ апостолъ выражаетъ свои чувства, сообщаетъ о себѣ и своей дѣятельности,—даже о своемъ личномъ отношенiи къ Господу и о своемъ стремленiи къ совершенству. Впрочемъ этими словами мы вовсе не хотимъ признать, такъ сказать, совершенной исключительности подобнаго содержанiя посланiя, такъ какъ, въ силу общаго отношенiя Павла къ Филиппiйцамъ, какъ апостола, и—спецiальнаго—какъ учителя, —въ содержанiе посланiя необходимо должны были войти и увѣщанiя,—чтò дѣйствительно и видимъ въ Филип. I, 27; II, 18, а также и въ IV, 2—9. Въ данномъ случаѣ мы хотимъ только сказать, что общiй складъ посланiя къ Филиппiйцамъ несомнѣнно убѣждаетъ всякаго безпристрастнаго читателя въ томъ, что апостолъ имѣлъ причину въ цѣломъ быть вполнѣ довольнымъ Филиппiйскимъ обществомъ. Между этимъ послѣднимъ и апостоломъ установились, очевидно, весьма близкiя, сердечныя отношенiя. Для Филиппiйцевъ Павелъ былъ не только апостоломъ и учителемъ, какъ для другихъ обществъ, но—они были связаны съ нимъ и—между собою еще и союзомъ внутренняго личнаго участiя и расположенiя. Все это, и при томъ какъ нельзя лучше, сквозитъ въ содержанiи нашего посланiя.

Кромѣ, того указанный нами тонъ посланiя, вполнѣ приличный характеру его, какъ благодарственнаго письма, полагаетъ на него несомнѣнную печать единства, хотя въ цѣли нашего посланiя и не заключается какой-либо одной мысли, господствующей надъ отдѣльными частями и, такъ сказать, производящей ихъ изъ своего единства. Если взять наше посланiе въ его цѣломъ, то уже нельзя не замѣтить въ немъ одного чувства, которое выдѣляется и проглядываетъ во всѣхъ его частяхъ и такимъ образомъ вполнѣ замѣняетъ собою основную идею Павлова произведенiя. Разумѣемъ здѣсь чувство «радости», которымъ исполнено сердце апостола и которое онъ такъ охотно желалъ бы возгрѣть въ своихъ Филиппiйцахъ. То и другое, какъ нельзя лучше, выражается въ частомъ повторенiи словъ «χαίρω» и «χαίρετε». Чувство

«радости» прежде всего является для апостола результатомъ того, что онъ пишетъ о себѣ—«χαίρω» I, 18; съ этой точки зрѣнія «радость» становится предметомъ увѣщанія въ отдѣлѣ I, 27—II, 18. Словомъ «χαίρετε» начинаетъ, затѣмъ, апостолъ третью главу посланія (1 стихъ). Χαίρετε!—восклицаетъ онъ, наконецъ, въ заключеніи (IV гл. 4 ст.), обращаясь къ своему любимому обществу въ послѣдній разъ.

Если все доселѣ сказанное нами объ общемъ характерѣ посланія къ Филиппійцамъ несомнѣнно,—а оно дѣйствительно несомнѣнно для всякаго болѣе или менѣе внимательнаго и безпристрастнаго читателя этого посланія,—то отсюда становится несомнѣннымъ также и то, что всѣ вышеуказанныя нами возраженія Баура, по поводу характера посланія, совершенно уже теряютъ свою силу. Въ самомъ дѣлѣ,—можетъ ли теперь имѣть какой-либо смыслъ прежде всего возраженіе Баура относительно бѣдности въ мысляхъ и монотонности нашего посланія, когда каждая отдѣльная часть этого послѣдняго представляетъ въ себѣ особыя, вполнѣ своеобразныя черты? Изъ общаго содержанія посланія мы знаемъ, что оно, по своему ближайшему поводу, было благодарственнымъ письмомъ апостола къ Филиппійскому обществу за присланное отъ этого послѣдняго, чрезъ Епафродита, въ Римъ вспомоществованіе. Возвращающемуся доставителю упомянутаго дара любви (II, 25 и д.) апостолъ вручаетъ свое посланіе, которое для Епафродита служило въ тоже время и рекомендательнымъ письмомъ. Съ словомъ благодарности апостолъ соединяетъ далѣе извѣщеніе о себѣ самомъ, что̀, конечно, вполнѣ естественно по отношенію къ такому обществу, которое своею присылкою дара апостолу дало ему фактическое доказательство своего сердечнаго участія. Съ другой стороны апостолъ точно также обращаетъ къ Филиппійцамъ и слово увѣщанія; это, безъ сомнѣнія, потому, что какъ ни удовлетворительно было состояніе общества въ цѣломъ, но все-же оно не могло быть совершенно чуждымъ тѣхъ или другихъ недостатковъ христіанской жизни, а равно и не было, конечно, вполнѣ застраховано отъ внѣшнихъ опасностей. Къ тому-же о подробностяхъ жизни и дѣятельности общества апо-

столъ легко могъ узнать отъ Епафродита. Всѣ эти существенныя части нашего посланія, просто и естественно вытекающія изъ самаго положенія дѣла, дѣйствительно оказываются, по своимъ мыслямъ, вполнѣ новыми и своеобразными и уже совершенно, слѣдовательно, исключающими всякую монотонность и бѣдность мыслей автора посланія. Если бы кто захотѣлъ идти далѣе и коснуться частнѣйшихъ подробностей содержанія этого послѣдняго, то и здѣсь нашелъ-бы тоже самое, т. е. разнообразіе, живость, оригинальность въ мысляхъ автора и т. п. качества, совершенно противоположныя Бауровскимъ; только не нужно при этомъ произвольно смѣшивать того, что раздѣлено у самого апостола. Въ самомъ дѣлѣ,—какъ наприм. характеристично апостолъ обозначаетъ своихъ личныхъ противниковъ въ Римѣ (I, 15 и д.) въ отличіе ихъ отъ враговъ, собственно Филиппійскаго общества! (III, 2 и д.). Какъ ясно далѣе различаются эти послѣдніе отъ названныхъ въ III, 18, а равно и отъ упомянутыхъ въ I, 28! Какъ ново и своеобразно, затѣмъ, сравнительно съ другими посланіями, описаніе положенія апостола и обстоятельствъ его жизни въ плѣну! Какъ живо, наконецъ, мѣсто II, 19—30 переноситъ читателя въ среду окружающую апостола и объясняетъ его частныя отношенія! Вообще наше посланіе въ такой степени отличается разнообразіемъ содержанія и подробнымъ описаніемъ фактовъ въ исторической части своей, что оказывается совершенно непонятнымъ,—какой интересъ могъ имѣть составитель посланія къ Филиппійцамъ изъ втораго столѣтія, каковому приписываетъ это посланіе Бауръ, чтобы такъ подробно вдаваться въ окружающія апостола въ Римѣ условія жизни и, напримѣръ, съ такою теплотою вспоминать Епафродита, какъ это дѣлается въ нашемъ посланіи (II, 25 и д.). Или, быть можетъ, монотонность посланія состоитъ въ томъ, что апостолъ повторяетъ о своей радости и такъ часто обращается къ своимъ Филиппійцамъ съ словомъ «χαίρετε»?! Конечно это повтореніе, но—такое, которое служитъ въ посланіи весьма яснымъ и потому необходимымъ выраженіемъ сердечной теплоты и искренности апостола въ отношеніи къ горячо любимому имъ Филиппійскому обществу.

Что касается, затѣмъ, возраженія Баура относительно недостатка въ изложеніи мыслей нашего посланія,—внутренней связи, то и оно, при ближайшемъ разсмотрѣніи, значительно теряетъ свой вѣсъ и значеніе. Съ одной стороны—мы уже видѣли, что идею, которая во всякомъ произведеніи должна связывать тѣ или другія части въ одно цѣлое,—эту идею въ нашемъ посланіи вполнѣ замѣняетъ собою чувство «радости» апостола, одушевляющее всѣ его мысли и сообщающее единство отдѣльнымъ частямъ посланія. Съ другой стороны, мы должны сказать противъ Баура, что хотя наше посланіе, какъ истинный привѣтъ благодарнаго сердца, и написано довольно неизысканно, безъ всякой ученой тенденціи и безъ полнаго плана въ своемъ изложеніи, но это однакожъ вовсе не значитъ, что въ немъ нѣтъ строгой внутренней связи и движенія мысли впередъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ,—достаточно только не опускать изъ виду значенія этого посланія главнымъ образомъ, если не исключительно, для нравственно-практической жизни. Даже догматическое, весьма важное мѣсто посланія (II, 5—11), въ общемъ необходимо понимается этически, такъ какъ оно имѣетъ свой вѣсъ и силу прямо для практической жизни. Мейеръ весьма хорошо замѣчаетъ по этому поводу: «все содержаніе посланія дышетъ искренно-трогательною любовію апостола къ любимой общинѣ; никакое другое посланіе не можетъ быть такъ богато сердечными привѣтами и нѣжными отношеніями; ни одно посланіе такъ характеристично не написано—безъ строгаго расположенія, безъ ученой обработки, безъ ветхо-завѣтныхъ цитатъ и діалектической аргументаціи; ни одно посланіе не богато такъ выраженіями чувствъ, вытекающихъ изъ внутренняго сознанія любви апостола къ обществу, при чемъ нѣжная любовь, являющаяся иногда съ элегическимъ оттѣнкомъ, соединяется съ высокимъ апостольскимъ достоинствомъ и пылкою ревностію автора. Посланіе это хотя и написано не за-долго предъ смертію апостола—плѣнника, но тѣмъ не менѣе оно вполнѣ обнаруживаетъ въ составителѣ непорванную еще надежду на жизнь,—твердость духа, не смотря на довольно тяжелое положеніе, и, наконецъ,—живую энергію при оскорбительныхъ возраженіяхъ про-

тивниковъ, — словомъ оно является видимо для того, чтобы еще болѣе укрѣпить нѣжную любовь апостола къ общинѣ. Самыя рѣзкія выраженія относительно гибельныхъ противниковъ находятся здѣсь рядомъ съ мѣстами полными элегантной небрежности и плѣнительнаго краснорѣчія (1, 29), какъ въ діалогахъ Платона и письмахъ Цицерона; отъ совершенно внѣшнихъ, своеобразныхъ положеній авторъ посланія нерѣдко переходитъ къ глубокимъ мыслямъ и величественнымъ воззрѣніямъ» [1]).

Наконецъ, что касается, въ частности, того обстоятельства, что наше посланіе, какъ замѣтилъ Бауръ, значительно уступаетъ, по своему строенію 2-му посланію къ Коринѳянамъ, хотя и это послѣднее имѣетъ характеръ *письма*,—то мы должны замѣтить, что это обстоятельство зависитъ отъ особыхъ причинъ, которыхъ Бауръ или не предвидѣлъ или же намѣренно не хотѣлъ принять во вниманіе. Дѣло въ томъ, что 2-е посланіе къ Коринѳянамъ весьма близко, какъ извѣстно, касается великаго кризиса, случившагося въ Коринѳскомъ обществѣ, тогда какъ въ Филиппахъ ничего подобнаго не было. Отсюда уже само собою слѣдуетъ, что въ посланіи къ Филиппійцамъ, которое было лишь благодарственнымъ письмомъ къ вѣрному обществу,—Апостолъ Павелъ не могъ такъ опредѣленно и рѣзко выступить въ своихъ характеристическихъ чертахъ, какъ это произошло во 2-мъ посланіи къ Коринѳскому обществу, внутренно раздираемому противниками изъ іудеевъ. Однакожъ не смотря на то, что въ нашемъ посланіи Апостолъ Павелъ представляется менѣе величественнымъ, всетаки его характеръ вполнѣ достаточно,—какъ мы уже и видѣли отчасти,—обнаруживается и здѣсь,—особенно въ его любвеобильности и высокомъ апостольскомъ достоинствѣ. Обѣ эти существенныя черты характера апостола всюду проглядываютъ въ нашемъ посланіи, такъ что въ большемъ подтвержденіи даже и не нуждаются.

---

[1]) Означенныя слова Мейера приведены у Лянгевъ его сочиненіи—Teologisch-homiletisches Bibelwerk die Heilige Schrift Alten und Neuen Testament. 1867 г. стр. 238.

Такимъ образомъ мнѣніе Баура объ общемъ характерѣ посланія къ Филиппійцамъ дѣйствительно, какъ оказывается, лишено болѣе или менѣе серьезныхъ основаній.

*(Продолженіе будетъ).*

---

## Лѣтопись текущихъ событій.

**Изданіе правилъ объ особыхъ преимуществахъ гражданской службы въ отдаленныхъ мѣстностяхъ.** Высочайше утверждены 13 іюня и обнародованы нынѣ правила объ особыхъ преимуществахъ гражданской службы въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, а также въ губерніяхъ западныхъ и Царства Польскаго. Здѣсь, между проч., изложено:

Во всѣхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ на особыя преимущества имѣютъ право законоучители среднихъ учебныхъ заведеній изъ воспитанниковъ духовныхъ академій и священнослужителей, а равно должностныя лица женскаго пола женскихъ гимназій, прогимназій и соотвѣтствующихъ имъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и духовно-учебнаго вѣдомства.

**По дѣламъ Болгарскимъ.** Управляющій Россійскимъ консульствомъ въ Рущукѣ передалъ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ 18 сего августа лично врученную ему княземъ Александромъ Болгарскимъ на имя Государя Императора слѣдующую телеграмму:

«Ваше Величество! Вновь взявъ въ свои руки управленіе моею страной, осмѣливаюсь представить Вашему Императорскому Величеству выраженіе моей почтительнѣйшей признательности за то, что представитель Вашего Императорскаго Величества въ Рущукѣ своимъ офиціальнымъ присутствіемъ на моемъ пріемѣ обнаружилъ предъ Болгарскимъ народомъ, что Императорское правительство не можетъ одобрить направленнаго противъ моей особы революціоннаго акта; въ то же время испрашиваю соизволеніе повергнуть предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ мою благодарность за посылку генерала, князя Долгорукова, съ чрезвычайнымъ порученіемъ отъ Вашего Императорскаго Величества, такъ какъ принявъ вновь законную власть я считаю пер-

вымъ моимъ долгомъ заявить Вашему Императорскому Величеству о моемъ твердомъ намѣреніи принять на себя всѣ жертвы, дабы способствовать великодушному намѣренію Вашего Императорскаго Величества вывести Болгарію изъ тяжкаго кризиса, который она переживаетъ. Прошу Ваше Императорское Величество разрѣшить князю Долгорукову войти непосредственно и какъ можно скорѣе со мной въ соглашеніе. Я буду счастливъ представить Вашему Императорскому Величеству окончательное доказательство моей неизмѣнной преданности Августѣйшей Особѣ Вашей. Монархическій принципъ вынудилъ меня возстановить законность въ Болгаріи и Румеліи. Россія даровала мнѣ мою корону и эту корону я готовъ вручить ея Монарху».

На изложенную выше телеграмму, Его Императорскому Величеству благоугодно было отвѣчать слѣдующею телеграммой:

«Я получилъ телеграмму вашего высочества. Не могу одобрить возвращенія вашего въ Болгарію, предвидя злополучныя послѣдствія для страны, уже подвергшейся столь тяжкимъ испытаніямъ. Миссія князя Долгорукова становится несвоевременною. Я буду воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ печальное положеніе дѣлъ до котораго доведена Болгарія, пока вы будете тамъ оставаться. Вашему высочеству предстоитъ рѣшить что вамъ надлежитъ дѣлать. Предоставляю себѣ судить о томъ къ чему обязываютъ Меня чтимая Мной память Моего родителя, интересы Россіи и миръ на Востокѣ».

**Дѣла о совращеніи въ лютеранство.** Въ латышской газетѣ «Bajs», отъ 6 августа, читаемъ: «Уже въ прошломъ году возникло разногласіе во мнѣніяхъ между лифляндскимъ губернскимъ прокуроромъ и лифляндскимъ гофгерихтомъ по вопросу о порядкѣ судебнаго дѣлопроизводства противъ пасторовъ Дёбнера, Трейя, Зунти и др., обвиняемыхъ въ совращеніи лицъ православнаго вѣроисповѣданія въ лютеранство. Лифляндскій прокуроръ держался того мнѣнія что, на основаніи Свода Законовъ (томъ XV, кн. 2, ст. 576), судебное производство по подобнымъ дѣламъ должно происходить ускореннымъ порядкомъ, внѣ очереди; напротивъ того, лифляндскій гофгерихтъ полагалъ, что вышеозначенная статья общихъ законовъ Имперіи въ Лифляндіи обязательной силы не имѣетъ, на томъ де основаніи, что она до сихъ поръ не примѣнялась лифляндскимъ гофгерихтомъ на практикѣ. Держась такого взгляда, гофгерихтъ производилъ упомянутыя дѣла съ промедленіемъ. Прокуроръ же со своей

стороны представилъ возникшій вопросъ министру Юстиціи, который передалъ его на разрѣшеніе пятому департаменту Правительствующаго Сената. Сенатъ нынѣ опубликовалъ указъ, въ которомъ мнѣніе лифляндскаго гофгерихта признается *неправильнымъ.* Согласно этому указу, всѣ тѣ общіе законы Имперіи имѣютъ обязательную силу и для Прибалтійскихъ губерній, которыя не замѣнены особыми постановленіями законодательной власти».

**Введеніе преподаванія на русскомъ языкѣ въ Дерптскомъ университетѣ.** По словамъ «Свѣта», преподаваніе въ Дерптскомъ университетѣ, по образцу Варшавскаго университета, будетъ вестись на русскомъ языкѣ, и всѣ преподаватели, которыя не изучатъ русскаго языка настолько свободно, чтобы могли владѣть имъ хорошо, останутся за штатомъ.

**Расположеніе иновѣрцевъ къ православной церкви.** Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе проявляется стремленіе къ православію въ средѣ чеховъ, поселившихся на Волыни. На основаніи фактическихъ данныхъ газетѣ «Волынь» извѣстно, что 50 семействъ чеховъ села Славова, Житомірскаго у., недавно заявили мѣстному священнику о своемъ желаніи присоединиться къ православію. Но такъ какъ въ томъ поселкѣ, гдѣ они живутъ, нѣтъ церкви, то они ходатайствуютъ о разрѣшеніи устроить церковь изъ находящейся у нихъ часовни. Газета полагаетъ, что ходатайство ихъ увѣнчается успѣхомъ, и что имъ даже благословятъ св. литургію совершать въ ней на чешскомъ нарѣчіи, тѣмъ болѣе что въ послѣднее время литургія св. Іоанна Златоустаго уже переведена на чешскій языкъ.

**Новыя притисненія православнаго галичанина поляками.** Извѣстно уже, что Ѳ. Ив. Досинчукъ, потерпѣвшій такъ много отъ галиційскихъ поляковъ и принявшій православіе поселился въ Житомірѣ. Казалось бы, что насталъ конецъ притѣсненіямъ. Однако этого не случилось. Среди житомирскаго польскаго общества нашлись личности пожелавшія заявить свою солидарность съ закордонными шемякиными судами, но прибѣгшія по необходимости къ другаго рода средствамъ преслѣдованія. Въ Житомирѣ г. Досинчукъ сталъ зарабатывать хлѣбъ попрежнему торговлей и открылъ бакалейную лавку, снявъ магазинъ вмѣстѣ съ квартирой въ домѣ г-жи Шерстедтъ, на Михайловской улицѣ, по контракту на нѣсколько лѣтъ. И вотъ, въ то самое время, какъ его таскали по судамъ въ Галиціи, жена его предложила,

за наступленіемъ срока, г. Шерстедтъ квартирныя деньги. «Ja prawosławnysh pieniędzy nie przyjmuje», было отвѣтомъ: «boście się wykrzcili na schyzmatików»,—раньше ей это обстоятельство не было извѣстно. Вслѣдъ затѣмъ былъ предъявленъ искъ у мироваго судьи о выселеніи, подъ предлогомъ неплатежа денегъ. По счастію, г-жа Досинчукова ранѣе представила тому же судьѣ непринятыя у нея деньги. Тогда Шерстедтъ не только запретила собственной прислугѣ покупать что-либо въ лавкѣ Досинчука, но и позаботилась распространить извѣстіе о его *«отщепенствѣ»*; мѣстные Поляки оказались столь «толерантными», что почти всѣ польскіе покупатели оставили Досинчука. Мало того, нашлись между ними люди съ понятіями и вкусами уличныхъ мальчишекъ, которые занялись битьемъ оконъ въ магазинѣ *«схизматика»*...

**Наплывъ Студентовъ въ Московскую Духовную Академію.** На пріемныя испытанія въ Московскую Дух. Академію нынѣ явилось 128 человѣкъ.

**Новый Инспекторъ Моск. Дух. Академіи.** Послѣ увольненія Ректора Московской Духов. Академіи Протоіерея С. *Смирнова* и назначенія на его мѣсто Архимандрита *Христофора* имѣетъ быть назначенъ и новый Инспекторъ *Іеромонахъ Борисъ* (Плотниковъ) изъ доцентовъ Казанской Дух. Академіи, такъ какъ Профессоръ *Горскій-Платоновъ* подалъ просьбу объ увольненіи отъ должности Инспектора Академіи.

---



№ 25 Вол. Епарх. Вѣд. сданъ на почту 1-го Сентября 1886 г.

Редакторъ **П. Бѣляевъ.**

Дозволено цензурою. Кременецъ. 1-го Сентября 1886 года.

Печатается въ Типографіи Почаевской Лавры.